

АНУШ ТЕР-МИНАСЯН

Кандидат архитектуры

Институт искусств НАН РА

anoush_arch@hotmail.com

ORCID ID: 0009-0003-6959-6877

DOI: 10.54503/978-5-8080-1587-6-540

ИСААКЯН, ТОРАМАНЯН, АНИ

Ключевые слова: город Ани, Аветик Исаакян, архитектор Торос Тораманян, средневековая архитектура Армении.

Аннотация

«Если верно, что архитектура — окаменевшая музыка, то Тораманян превратил эти окаменелости в живую песню», - написал Аветик Исаакян о Торосе Тораманяне.

Одним из значительных перекрёстков общения этих двух величин – поэта Аветика Исаакяна и учёного-архитектора Тороса Тораманяна, имевших важнейшую роль на страницах богатой истории культуры армянского народа, можно считать город Ани – средневековую столицу Армении, значение которой в истории Армении трудно переоценить.

Каждый год, а иногда и в год два раза Исаакян ездил в Ани, где в то время огромную работу проводил Тораманян по раскопкам, обмерам, фотографированию, описанию и научному изучению удивительных архитектурных шедевров города. Их встречи заряжали творческой энергией обоих, поскольку оба были преданы великой идее раскрытия, освещения, оценки и по достоинству представления миру родной культуры. “Не забываемое, прекрасное время провел я с ними (Тораманяном и другими членами экспедиции – А. Т.-М.) в чудесном Ани”, - писал А. Исаакян.

Эти встречи и посещения Ани не прошли бесследно для обоих – великий армянский архитектор-учёный издал результаты своих исследований, которые до сих пор имеют огромное значение в изучении и представлении Ани, а великий армянский поэт передал бумаге свои впечатления как о городе, так и об архитекторе – в виде мемуаров и замечательных стихотворений. Так пе-

рассеклись творческие пути двоих наших великих в пространстве одного из свидетелей блестящего прошлого нашей культуры – города Ани.

ԱՆՈՒՇ ՏԵՐ-ՄԻՆԱՍՅԱՆ

Ճարտարապետության թեկնածու

«ՀԱՅ արվեստի ինսպիրուլու

anoush_arch@hotmail.com

ORCID iD: 0009-0003-6959-6877

ԻՍԱՀԱԿՅԱՆ, ԹՈՐԱՄԱՆՅԱՆ, ԱՆԻ

Բանալի բառեր - Անի քաղաք, Ավետիք Իսահակյան, ճարտարապետ Թորոս Թորամանյան, Հայաստանի միջնադարյան ճարտարապետություն:

Ամփոփում

«Եթե ճիշտ է, որ ճարտարապետությունը քարացած երաժշտություն է, ապա Թորամանյանն այդ քարերը կենդանի երգի է վերածել», - գրել է Ավետիք Իսահակյանը Թորոս Թորամանյանի մասին:

Հայ ժողովրդի մշակույթի հարուստ պատմության էջերում կարևորագույն դեր ունեցող այս երկու մեծությունների շիման նշանակալից խաչմերուկներից մեկը կարող ենք համարել Անի քաղաքը՝ Հայաստանի միջնադարյան մայքքաղաքը, որի նշանակությունը հայոց պատմության մեջ դժվար է գերազնահաստել:

Ամեն տարի, մեկ-մեկ էլ տարին երկու անգամ Իսահակյանը գնում էր Անի, որտեղ մեծ գործ էր անում Թորամանյանը քաղաքի ճարտարապետական զարմանալի գլուխգործների պեղման, չափագրման, լուսանկարման, նկարագրման և գիտական ուսումնասիրության գործում: Նրանց հանդիպումները մեծ լիքը էին տալիս երկուսին էլ, քանի որ երկուսն էլ նվիրված էին հայունի մշակույթը բացահայտելու, բարձրացնելու, գնահատելու ու աշխարհին ըստ արժանվույն ներկայացնելու մեծ գաղափարին: «Անմոռանալի, հիանալի ժամանակ անցկացրեցի նրա հետ հիասքանչ Անիում», - գրում է Իսահակյանը:

Այդ հանդիպումները և այցելություններն Անի անհետք չանցած երկուսի համար էլ՝ մեծ հայ ճարտարապետը հրատարակեց գիտական իր

հետազոտությունների արդյունքները, որոնք մինչ այսօր ահեղի նշանակություն ունեն Անիի ուսումնասիրության և հանրահոչակման գործում, իսկ մեծ հայ բանաստեղծը թղթին հանձնեց իր տպավորությունները թե՛ քաղաքի, թե՛ ճարտարապետի մասին՝ հուշերի և սրանչելի բանաստեղծության տեսքով։ Այսպես երկու մեր մեծերի ստեղծագործական ճանապարհները խաչվեցին հայոց մշակույթի փայլուն անյափ վկա Անի քաղաքում...»

ANOUSH TER-MINASYAN

PhD in Architecture

Institute of Arts of the NAS RA anoush_arch@hotmail.com

ORCID ID: 0009-0003-6959-6877

ISAHAKYAN, TORAMANYAN, ANI

Keywords: Ani city, Avetik Isahakyan, architect Toros Toramanyan, medieval architecture of Armenia.

Annotation

“If architecture is fossilized music, then architect Toros turned this fossil into a song. He is the same wonderful singer of our wonderful ruins and monuments”, - wrote Avetik Isahakyan about Toros Toramanyan.

One of the crossroads of communication between these two great figures, who played a vital role in the pages of the rich cultural history of the Armenians, can be largely considered the city of Ani - the medieval capital of Armenia, the significance of which in the history and culture of Armenia is difficult to overestimate.

Every year, and sometimes twice a year, Isahakyan went to Ani, where at that time Toramanyan was doing a great job of excavating, measuring, photographing, describing and scientifically studying the amazing architectural masterpieces of the city. Their meetings charged both of them with creative energy, since both were devoted to the great idea of discovering, evaluating and presenting their native culture to the world. These meetings and visits to Ani left their mark on both of them – the great Armenian architect-scientist published the results of his scientific research, which are still of great importance in the study and presentation of Ani, and

the great Armenian poet put on paper his impressions of both the city and the architect – in the form of memoirs and a remarkable poem. Thus, the creative paths of two of our great personalities crossed in the space of one of the witnesses of the brilliant past of our culture – the city of Ani.

Введение

Если попробовать охарактеризовать признаки, являющиеся залогом дружбы, объединяющей двух творческих людей, то это, безусловно, приверженность общим идеалам, одним и тем же гуманистическим и патриотическим ценностям, созвучные друг другу жизненные принципы и интересы.

Безусловно, основным перекрёстком общения двух великих представителей нашей культуры – поэта Аветика Исаакяна и архитектора Тороса Тораманяна, мы можем в большой мере считать город Ани – средневековую столицу Армении, значение которой в богатой истории культуры армянского народа Армении трудно переоценить.

Каждый год, а иногда и в год два раза Исаакян ездил в Ани, где в то время огромную работу проводил Торамян по раскопкам, обмерам, фотографированию, описанию и научному изучению удивительных архитектурных шедевров города. Их встречи заряжали творческой энергией обоих, поскольку оба были преданы великой идее открытия, освещения, оценки и достойного представления миру родной культуры.

Эти встречи и посещения Ани не прошли бесследно для обоих – великий армянский архитектор-учёный издал результаты своих исследований, которые до сих пор имеют огромное значение в изучении и представлении Ани, а великий армянский поэт передал бумаге свои впечатления как о городе, так и об архитекторе – в виде мемуаров и замечательных стихотворений. Так пересеклись творческие пути двоих наших великих деятелей в пространстве одного из свидетелей блестящего прошлого нашей культуры – города Ани.

Аветик Исаакян и Торос Тораманян

На основе бесценных духовных категорий происходило не такое и частое, но очень важное общение поэта Аветика Исаакяна и архитектора Тороса Тораманяна. Казалось бы, их судьбы и жизненные пути были совершенно различны, и даже начинались по-разному. Аветик Исаакян был рождён в Восточной Армении, в Шираке – в городе Александрополь, раннее детство провёл в селении Газарапат близ Александрополя, грамоте учился в родном городе, затем учился в знаменитой Аричской монастырской школе, впитал культуру этого региона с самого рождения, рос и воспитывался в семинарии Геворкян в Эчмиадзине, где его учителем и вдохновившим на творчество наставником стал основатель армянской классической поэзии Иоаннес Иоаннисян, затем слушал лекции в Лейпцигском и Цюрихском университетах, долго жил в европейских странах – Германии, Швейцарии, Италии, Франции. Торос Тораманян родился в Западной Армении, в городе Шапин-Карахисар (к году его рождения город находился уже в составе Османской империи). Получив начальное образование в родном городе, он уехал в Константинополь, где начались его долгие мытарства – из-за нехватки финансовых средств он был вынужден стать учеником в мастерской плотника и подрабатывать каменотесом, а затем, благодаря яльному таланту рисовальщика и при содействии известного архитектора Саргиса Паляна, у которого какое-то время работал, он смог поступить в Константинопольскую академию художеств, по окончании которой наконец исполнилась его мечта – он получил квалификацию архитектора. Тораманян занялся практической деятельностью – проектированием частных и общественных зданий в Константинополе, затем в Болгарии, куда переехал в 1896 году, а потом и в Румынии. Спроектировав и построив в этих странах немало зданий и сооружений, он смог накопить некоторое количество средств, которые позволили ему отправиться в путешествие по разным странам – в Грецию, Египет и т.д. Осев в Париже, он так же, как Исаакян в Германии, стал вольным слушателем высших специальных курсов, прослушав лекции известных учёных. Несомненно, и для Исаакяна, и для Тораманяна вкупе с их врождёнными талантами и огромным творческим и науч-

ным потенциалом, эти периоды их жизней стали определяющими для дальнейшей деятельности – жизнь в Европе тех лет и обучение в европейских университетах кроме высокого образования дали им широту кругозора и особое мышление, приведшее, скорее всего, и к осознанию своего призвания. И, как ни парадоксально этоозвучит, способствовало стремлению приложить свои силы и возможности для служения родине.

Город Ани – средневековая столица Армении.

Одним из объединяющих этих двух людей духовных начал стал город Ани – средневековая столица Армении, город-призрак, город-мечта, город – ключ к пониманию армянской культуры и духа её народа. Торос Тораманян в 1903-м году впервые приехал в Ани для участия в работе археологической экспедиции под руководством Николая Марра. Эта судьбоносная для всех, в том числе – для изучения армянской архитектуры, встреча с Марром, с городом, с квинтэссенцией армянской архитектуры развитого средневековья – всё это стало основой для научного изучения, обмера, фотографической фиксации уникальных памятников, и началом множества свершений и открытий, во главе которых стоял скромный человек с огромными возможностями ума и души, посвятивший себя архитектуре родного народа. Тораманян официально стал архитектором экспедиции, и эта фантастическая работа продолжалась для него, да и всей экспедиции, до 1917-го года. Именно с этой работой Тораманян связано создание его теории развития армянской средневековой архитектуры, которая привлекла внимание учёных других стран и явила миру такое уникальное явление культуры, как средневековая армянская архитектура.

Работе, проделанной Тораманяном в Ани, дал высочайшую оценку не только сам Н. Марр, но и комиссия Императорской Академии Наук России (Папухян, 2005:5), которая отметила, что работы учёного сделали переворот в истории мировой архитектуры, выявив ту исключительную самостоятельность развития армянской архитектуры, которая до того не была знакома миру или не принималась им.

Собранный им огромный материал Тораманян досконально изучил, датировал, классифицировал и систематизировал по типам и периодам – с их особенностями и характерными чертами. Так была создана чёткая и ясная система развития памятников средневековой армянской архитектуры, что в свою очередь, давало возможность определить роль и место армянской архитектуры на страницах истории мировой архитектуры.

Средневековая столица Армении Ани, как символ армянской идентичности и образ многовековой истории народа, заложенный в генетическую память каждого армянина, где бы он ни жил, имела огромное значение и для Аветика Исаакяна. Поэт как бы отождествлял себя с гражданином Ани, ощущал себя им. Для него Ани был не только напоминанием о былом величии, болью и сожалением об утраченном и горестных потерях, но и олицетворением необыкновенных взлётов, надежды и силы духа, заставляющего восстанавливаться и идти вперёд.

Встреча

С Торосом Тораманяном Аветик Исаакян познакомился в 1903-м году в Александрополе, их познакомил историк Карапет Басмаджян. Как пишет Исаакян: «Летом этого года они приехали из Европы и занимались в Ани изучением древних памятников» (Իշխանյան, 1939: 91-132). Конечно же, Басмаджян очень положительно представил Тораманяна и попросил поэта и его товарищей оказывать ему «всяческое содействие в делах».

Следующая их встреча состоялась нескоро, но она имела важное значение, потому что они случайно оказались вместе в одном поезде, и в течение разговора поэт спросил Тораманяна о его планах. В ответ тот сказал, что его цель – работать в Ани. И тут их беседа прервалась, потому что за окном поезда их глазам открылось захватывающее зрелище: «...на заснеженных, белых полях, под синим небом, при ярком дневном освещении потянулся волшебный караван красноватых крепостных стен Ани, он приближался, будто двигался нам навстречу, но поезд прошел вперед, и город исчез за холмами...». Вот здесь перед поэтом раскрылся

истинный образ учёного, захваченного великой идеей изучить фантастические памятники Ани и представить их миру. «Мне придется долгие годы, до конца дней трудиться здесь, однако и целой моей жизни не хватит для изучения несметных сокровищ Ани», - сказал Тораманян. И, как пишет Исаакян, он «с воодушевлением стал рассказывать о своих планах — обширной программе исследовательских работ, призванных раскрыть новый мир истории нашего искусства». Открытием для поэта стал этот человек, столь преданный своей стране, её культуре и народу: «Я восторженно слушал, он изменился в моих глазах, раскрылся, показался человеком очень значительным». Для Исаакяна — человека, чей патриотизм всегда носил активный и деятельный характер (Հաշիմկյան ա., 2004: 160-164), такой человек не мог не представлять большого интереса.

Поэт, архитектор и город Ани

После этой встречи их встречи стали носить регулярный характер. Поэт пишет: «Я ездил в Ани почти каждый год, а иногда дважды в год». Эти годы, ставшие ценнейшей составляющей истории изучения нашей архитектуры, выявлению её важнейших свойств и закономерностей, поэт определяет, как героический период «неустанных раскопок и изучения древних памятников в Ани — период, которому положил начало академик Николай Марр со своими русскими и армянскими учениками, среди которых был впоследствии известный ученый Иосиф Абгарович Орбелли».

А Тораманян неустанно изучал, обмерял, фотографировал памятники Ани, делая попутно множество открытий относительно приёмов и методов работы средневековых зодчих. Как писал знаменитый историк Лео, “Архитектор Тораманян тоже был продуктом Ани. Это Ани привлек его, привёз из далёкого Запада, завлёк его своими красотами, оторвал его от мира, сделал пылким поданным родных руин...” (Лео, 2005: 71). Это была чрезвычайно важная и интересная работа, ибо один из самых крупных и блестящих городов Передней Азии Ани был политическим, культурным, торговым центром всего региона с 10-го по 14-й века, явившись настоящим “перекрёстком” между Западом и Востоком.

Бывало, что беседы поэта с зодчим носили и важный, результативный для спасения памятников характер. При обмерах и составлении чертежей удивительной Пастушьей церкви Архитектор (Исаакян неизменно пишет профессию Тораманяна с большой буквы, этим самым показывая значение его личности и безмерность ценности производимой им работы) однажды сказал: «Эта церквушка — настоящая жемчужина, нет равной ей. К несчастью, она очень обветшала, едва держится». Тораманян придавал большое значение этому уникальному памятнику и считал, что своей своеобразной звездообразной плановой композицией и внешним трёхъярусным объёмом она занимает особое место в истории архитектуры. Внешне многоконечная звезда плана изнутри представляет собой окружающую подкупольное пространство сложную систему, состоящую из образованных лучами звезды ниш, где арки с установленных в середине каждой ниши полуколонок соединяются в центре – на замковом камне. Благодаря образовавшимся между лучами звезды глубоким нишам объём нижнего этажа обретает лёгкость, а восьмигранный отрезок над ним, будучи оформленным нишами только в местах пересечения граней, воспринимается более монолитно. Верхний этаж – сам купол со своим круглым барабаном, венчают эту интересную, своеобразную композицию. Уникальное композиционное решение памятника дало повод различным предположениям, в частности, что сооружение имеет мемориальный характер, и первый этаж служил усыпальницей. Интересно, что решённое в небольших размерах (4,65 м внутренний диаметр, 6,35 – внешний), сооружение воспринимается вполне монументальным благодаря вертикальной направленности объёмов, общему динамичному решению и правильной тектонической системе (Тер-Минасян а, 2024: 89-90).

Представив её ценность Исаакяну, архитектор решился на непростую, но важную просьбу: «Не сможешь ли, — обратился он к Исаакяну, — организовать в Александрополе сбор средств для её реставрации? Где нужно, подлатали бы, поставили бы подпорки и спасли бы от верной гибели. Жалко ведь! Денег понадобится немного. Что ты скажешь?» Естественно, поэт не мог не откликнуться на эти слова. «Я обе-

щал исполнить желание друга, - пишет Исаакян, - в Александрополе с помощью двух старожилов — Никогайоса Карапетяна и Вагаршака Степаняна, без особого труда собрали около тысячи рублей. Это был сказочный подарок Архитектору, который использовал его для охраны бесценного памятника зодчества».

Ани объединил великого армянского поэта и великого армянского учёного-архитектора. Этот удивительный город, город – свидетель блестящих страниц истории и культуры Армении, навсегда стал для всех армян символом славного прошлого армянского народа, свидетелем как светлых, так и крайне тяжёлых страниц истории, воплощением надежды и мечты.

Недаром Исаакян говорил, что чувствует себя там, как в отцовском доме – вековом отцовском доме.

А Тораманян почти все зимы проводил в Александрополе, занимаясь систематизацией и обобщением собранных за лето материалов. Здесь он писал свои исследования.

Для Исаакяна имел значение и образ Тораманяна – человека. Он был принят и уважаем, высоко ценим всеми. Исаакян пишет: «В Александрополе он не был принят в богатых семьях, но его знала и уважала городская интеллигенция. Особенно любили и ценили его в ремесленной среде — каменщики, кладчики-мастера, прославленные по всему Закавказью ..... Были люди, которые никогда и не знали его настоящего имени. Слово «Архитектор» все чаще воспринималось как имя собственное, и в ближайших сёлах были случаи, когда новорожденных крестили этим именем.....Архитектор — я так же, как и все, называл его этим именем...».

Воспоминания Исаакяна очень ценные и воссозданием человеческих черт архитектора, бытовых подробностей их жизни: «Архитектор, как и милейший анийский настоятель архимандрит Микаэл, не мог обходиться без кофе и табаку высших марок. По договору я должен был привозить им кофе и сигареты, а они — кормить меня во время пребывания в Ани».

Чрезвычайно интересно, что Исаакян упоминает архимандрита Микаэла (Тер-Минасяна), о котором пишет и Иозеф Стржиговский в своей знаменитой книге «Архитектура армян и Европа». Исаакян пишет: «Считаю своим святым долгом хотя бы в двух словах остановиться на имени этого беззаветно преданного стража развалин Ани, архимандрита Микаэла, который всей душой любил Архитектора, делил с ним свой хлеб, всячески заботился о нем. Мы признательны этому безвестному, великодушному человеку» (Իշխանութիւն Ե, 1939: 94-95). Стржиговский же называет архимандрита Микаэла «добрым гением этих мест», который делил с Тораманяном “свой скучный хлеб” (Стржиговский а, 2017: 15).

«Незабываемое, прекрасное время провел я с ними в чудесном Ани», - продолжает Исаакян свой рассказ о времене, проведённом с Тораманяном в знаменитом городе.

В прогулках по Ани с Тораманяном и Исаакяном временами бывал и третий их друг – «талантливый актер», как пишет о нём Исаакян, Арам Вруйр, который фотографировал памятники города. Описывая своих друзей, Исаакян отмечает их человеческие качества: «Оба они были приятными собеседниками — веселыми, остроумными, знающими цену шутке. Обычно около недели я оставался с ними, потом уезжал, обещая приехать снова. И приезжал, как только представлялась возможность — привлекало их общество, нравилась атмосфера увлеченного труда».

Интересно, что поэта интересовало и участие в производимых в Ани работах— он не оставался беучастным к труду археологической группы. «Когда я бывал в Ани, - пишет Исаакян, - с раннего утра до полудня вместе с друзьями жарился под раскалённым солнцем, помогая им в переноске и установке инструментов, в других делах. К полудню мы возвращались домой обедать. К этому времени у архимандрита Микаэла уже был готов обед, он сам накрывал на стол, поджиная нас. После обеда немного спали и затем возвращались к месту работы. А по вечерам, сидя под открытым небом, до поздней ночи пили кофе, курили и без конца разговаривали». Эти воспоминания многое раскрывают в образе поэта.

Иногда они вместе навещали академика Н. Марра, который охотно участвовал в их беседах. Беседы, по свидетельству Исаакяна, большей

частью касались истории армянского зодчества вообще и архитектуры города Ани в частности. И тут проявлялись глубокая образованность Тораманяна и его обширные знания по мировой архитектуре и культуре. Исаакян пишет: «Тораманян обладал обширными познаниями в области архитектуры и строительного искусства народов мира. Он внимательно изучал, сопоставлял различные стили, выявляя их происхождение, исчезновение, взаимовлияния. Он видел и изучил древние храмы и памятники, глубоко вник в сущность строительного искусства наших предков. В плотную подойдя к истокам армянской архитектуры, столь связанной с природой Армении, он раскопал и исследовал древнейшие корни, питавшие и воздвигшие величественное здание армянского искусства. Таким образом сокровенный смысл нашей архитектуры обнажился перед его испытующим, проницательным умом».

«Ани — зеркало армянской культуры». Архитектура города

А город Ани, по словам поэта, был для Тораманяна «живой реальностью». То есть не только архитектура, но и вся история города были для него «живыми», существующими не только в прошлом. Он как бы ощущал себя жителем Ани, «чувствовал далекое прошлое города, слышал его голос». И в этом их с поэтом ощущения совпадали – они оба чувствовали средневековую столицу Армении своей родной средой, проникали в её суть не как наблюдатели, а как люди изнутри.

«Ани — зеркало армянской культуры», - передаёт Исаакян слова Тораманяна, которые подтверждены всей историей развития города и его уникальной архитектуры. Ведь на страницах богатой истории развития армянской архитектуры город Ани, который стал столицей Армении после коронации там в 961-м году царя Ашота Багратуни (Милостивого), занимает одно из важнейших мест. Именно тогда на территории будущей столицы, где с 5-го века н.э. сохранились руины замка князей Камсараканов, начались активные строительные работы с участием лучших зодчих и градостроителей страны. Созданная в этот период городская архитектура стала своеобразной архитектурной школой, ставшей затем отправной точкой для развития архитектуры всего этапа развитого средневековья. За очень короткий

период Ани стал одним из самых известных и прославленных городов Передней Азии, и бурно развивающаяся там городская жизнь дала толчок к созданию особого стиля, оказавшего влияние не только на гражданские, но и культовые сооружения. Во множестве церковных сооружений города Ани, построенных в течение двух периодов блестящей истории развития архитектуры города (IX-XI – период царства Багратидов, и XII-XIV века – царство династии Захаридов), налицо явно гражданские мотивы и подходы, однако не менее отчётливо здесь представлены созданные в раннем средневековье и характерные для армянской архитектуры практически все архитектурные типы. Большинство из них, будучи созданными еще в раннем средневековье, окончательно сформировались и приобрели новое осмысление в этот период (Тер-Минасян б, 2024: 84).

«Казалось, он знал зодчих, строивших эти прекрасные здания, расспрашивал их, работал с ними, учился у них и поэтому проник в тайны их мастерства, - очень верно оценивает Исаакян отношение зодчего к Ани. – Лишь очевидец и соратник, их современник мог столько знать. Если я не забыл, ему было известно имя не только гениального зодчего Трдата, но и имена и символы многих других мастеров».

Естественно, имя зодчего Трдата было для Тораманяна особенно значимо, поскольку одним из самых знаменитых сооружений Ани является Кафедральный собор, который даже в разрушенном виде вызывает восхищение полётом инженерной мысли создавшего его зодчего, изящностью и одновременно монументальностью общей объёмно-пространственной композиции, тонкой прорисовкой деталей, удивительной пропорциональностью и единством форм. Воспроизведя в плановой композиции сформированный еще в раннем средневековье тип, своим объёмно-плановым и декоративным решениями храм является прототипом для развития дальнейших архитектурных типов и стилей – и не только в Армении. Этот тип представляет собой объединение центральной и зальной композиций. Этот архитектурный тип возник в раннем средневековье, и хотя тогда был представлен немногими памятниками, но имел “воистину новатор-

ское” звучание (Казарян 2012: 10), От раннесредневековых купольных базилик Кафедральный собор отличается своими и плановыми, и объёмно-пространственными пропорциями – в Ани сложного сечения мощные пилоны храма стоят ближе к продольным стенам, будто расширяя молельный зал и создавая больше места для подкупольного пространства. Здесь, как в однотипных раннесредневековых церквях, в пространственном решении подкупольного пространства, в отличие от византийских храмов, продольный неф на уровне сводов базилики пересекается поперечным, а подкупольные арки поддерживают крестообразно расположенные своды с четырёх сторон, образуя крестово-купольное ядро храма. Благодаря этому по своему объёмно-пространственному решению храм стоит ближе к крестово-купольному архитектурному типу, несмотря на чёткость плановой композиции трёхнефной базилики (Մնացականյան 1964: 151). Многие детали общей композиции и отдельных форм Кафедрального собора уже в столь раннем периоде – 989-1001 гг., несут в себе явные черты появившейся позднее в Европе готической архитектуры. Именно это дало повод знаменитому австрийскому учёному Йозефу Стржиговскому сказать о зодчем: «...путь к готике нашёл он», что выводит значение творчества Трдата далеко за пределы национального искусства.

Характерно впечатление Исаакяна от Кафедрального собора – истинно поэтическое, одухотворённое: «Гляжу на Кафедральный собор. Под призрачным лунным светом собор кажется привидением, он бесконечно красив, словно одухотворен. И кажется, что, невесомый, он вот-вот оторвётся от земли и полетит в бездонную глубь неба, туда, в мир платоновских идей, чтобы очутиться рядом с бессмертными, вечными, совершенными формами и прообразами, на своем троне, откуда и опустился он на армянскую землю. Указываю на собор и говорю:

- Вот оно — прекрасное, Архитектор. Это — наш Парфенон.
- Верно, — отвечает Тораманян, — с той только разницей, что Парфенон из мрамора, а наш памятник из скромного армянского туфа».

Очень важное, почти научное значение имеют приведённые Исаакяном свидетельства о рассуждениях учёного об армянской архитектуре. Он практически дословно передаёт слова Тораманяна, которые сейчас звучат, как откровение: «Нашей архитектурой, — сказал он, — несправедливо пренебрегали, но она занимает достойное место, хотят того или нет. Кроме себя и искусства могущественных народов Европа ничего не признает. Кто такие армяне, чтобы иметь собственное искусство? Так думают они. Пусть так и думают, а мы поступим по-своему. Армяне издавна были строителями. Страны Аракат и Ману, из соединения которых, вероятно, произошло название Армении или Армени, изобилуют превосходными сооружениями. Их следы мы видим в Ване-Тоспе, на берегах Севана, и в других местах...»

Интересно, что Исаакян проникся рассуждениями учёного об основах армянской архитектуры, о важных её особенностях, и передаёт их очень точно и вполне профессионально: «...Еще на стадии первобытного существования наш народ перенял от своих прародителей некоторые основы, внеся свое, новое, выражавшее его творческую стихию. Армяне испытывали также влияние соседей — Персии и Междуречья. Все заимствованное осваивалось, растворялось в своем, пересматривалось применительно к местным условиям, приспособливалось к климату и окружающему ландшафту, строительным материалам, становилось выражением жизненных потребностей народа, его чувствований, его души.

Так, в течение веков, стараниями поколений создавался самобытный армянский архитектурный стиль, который отныне не подлежит сомнению». «Присмотрись внимательно к Кафедральному собору — в нем душа нашего стиля, — продолжает Тораманян. — Посмотри, как он возвышен, потому что прост и ясен. Прост, потому что он просеивался сквозь многовековую культуру, очищался, сбрасывая с себя все лишнее, сделался чистым, как кристалл. ... С Армянского нагорья образцы нашего искусства спустились вниз, получив распространение на Балканах, в Византии, Италии, Германии, Франции. Наши мастера-беженцы, зодчие-тондракийцы, изгнанные из родных мест, а также представители народов-завоевателей разнесли приемы нашего искусства по многим стра-

нам. И эти принципы стали источниками вдохновения и подражания для византийского, готического, романского и даже арабского искусства...

Это горькая истина, в Европе с трудом ее примут, это может задеть ее честь, но правда должна восторжествовать. Одно ясно для высокомерной Европы — искусство армян вовсе не зависело от упомянутых искусств, ибо существовало до них. Но я думаю, вопрос о влияниях второстепенен. Достаточно и того, что наше искусство имеет свое неоспоримое место во всеобщей истории архитектуры народов мира. Этим я горжусь и утешаюсь».

«Так закончил свое слово архитектор Тораманян. – пишет Исаакян, - Я с восхищением смотрел на него, а он по-прежнему не отрывал взгляда от Кафедрального собора, как будто в наступившей тишине, отрешившись от сегодняшнего дня, мысленно продолжал говорить с этим удивительным произведением искусства — душой армянского зодчества.».

Приведённые поэтом эти замечательные слова учёного потом воплотились в жизнь с его же помощью, когда на основе его бесценных материалов в 1918-м году Йозеф Стржиговский издал в Вене два тома книги «Архитектура армян и Европа» (J. Strzygowski, Die Baukunst der Armenier und Europa, I, II, Wien, 1918), которые совершили переворот в научном мире относительно представлений о роли и месте армянской архитектуры в истории мировой архитектуры. Конечно, эта монография должна была быть издана в соавторстве Й. Стржиговского с Т. Тораманяном, однако начавшаяся в 1914-м году Первая мировая война помешала Торосу Тораманяну отправиться в Вену для продолжения совместной работы, и австрийский учёный издал её один, безусловно, отмечая в своей книге бесценное значение исследований Тораманяна: “По сравнению с работами Тораманяна все оставльные отходят на задний план” (Стржиговский б, 2011:19), а труд Тораманна он называет “бескорыстным самопожертвованием” (Стржиговский с, 2011: 89). Конечно, не сам Стржиговский, но судьба в отношении Тораманяна была несправедлива, лишив его возможности поехать в Вену, участвовать в написании книги в соавторстве со Стржиговским. Но как настоящий подвижник своего дела, он мужественно принял

произошедшее, считая, что в данном случае важна та справедливость, которая победила в деле открытия для мира и правильной оценки армянской архитектуры. Дела, ради которого он боролся всю свою жизнь.

Как отметил другой исследователь армянской архитектуры Николай Токарский, Стржиговский в этом труде «... впервые в западноевропейской научной литературе показал самостоятельность и значение творчества средневековых зодчих Армении» (Токарский, 1961: 5-6).

Заключение

Исаакян не был бы Исаакяном, если бы в своих воспоминаниях об Архитекторе и их встречах в Ани не внёс бы своих поэтических описаний легендарного города и своих ощущений. Он пишет: «Вспоминаю чудные, незабываемые мгновения. Яркая августовская ночь Армянского нагорья. Полная луна сияет, блестя серебром, как драгоценный светильник. Мы сидим у Кафедрального собора за каменным столом. С гор Арджо-Ариджа (Алача) плывет прохладный ветерок. Мягкая, живительная прохлада приносит с собой аромат сухих трав Ширакской степи. Ветер шуршит меж камнями развалин, словно шепчет слова, обращенные к нашим сердцам. То не ветер говорит с нами, - говорят внезапно ожившие, обретшие душу мудрые, вечные камни... Мы молча курим в ночной тишине Ани, некогда величественной столицы. Мы погрузились в грэзы».

«Ани — уже само по себе настроение, - продолжает Поэт. – Оторванный от благоустроенного и шумного мира, безлюдный, молчаливый город хватает за души, пленяет, окутывает каким-то особым очарованием. Стоит очутиться за его грозными стенами, как повседневная действительность отодвигается от тебя, тает, и ты оказываешься в плену видений далекой старины. Каждый, кто посещает это место, воссоздает в меру своих знаний и силы воображения давнее прошлое и мысленно переносится во времена полнокровной, кипучей жизни Ани».

На фоне размышлений о бессмертном городе поэт не мог не вспомнить об архитекторе: «...застенчивый, скромный Торос, благодаря

своему подвижническому труду стал для армянского народа бессмертным архитектором Торосом Тораманяном».

Их общение прервалось на много лет, когда Исаакян уехал в Европу, и они встретились после его возвращения – в 1926 году, после почти пятнадцатилетней разлуки. «Время оставило на нем жестокие следы — постарел, поседел, стал тучным. Пошаливало сердце. Но настроение у Архитектора было хорошее, он остался тем же оптимистом, чистосердечным, прямым человеком... Тораманян уже приступил к созданию своего капитального труда — «Материалы по армянской архитектуре», ради которого изнурял себя всю жизнь. Эта работа — монументальное исследование, обобщающее его наблюдения, открытия, гипотезы, взгляды на наше искусство».

Последняя их встреча состоялась весной 1930 года, когда поэт, отправляясь за границу, заехал в Вагаршапат проститься с архитектором и переночевал у него. Утром они вместе пошли к Звартноцу – и это общение в беседах о раскопках и об архитектуре храма было ещё одним откровением для поэта.

Естественно, если Торос Тораманян посвятил городу Ани множество своих научных изысканий, то, Аветик Исаакян выразил своё отношение в поэтической форме:

Անի

Այստեղ երկնել են նախնիները իմ,
Դարձել է այստեղ նյութը գաղափար,
Հագել է այստեղ երազը մարմին,
Չքնաղ երազը, որ չունի կոպար:
Անի', դու չես լոկ հողեղեն մի գանձ,
Դու', ինքը ես ոգին – մի ողջ ժողովուրդ,
Ամեն ձև այստեղ ոճ է գերազանց,
Ամեն ինչ այստեղ – իմաստ ու խորհուրդ:
Ես հոգու աչքով՝ անցած ու ներկա
Վիճակի եմ տեսնում՝ իենված մի սյունի,

Որ մարտնչելով դարեր ոտընկա,
Մեռնում է կանգնած, եթե մահ ունի:
Սաղավարտակիր, ձեռքիս տեզ ու նետ,
Կանգնել եմ բարձր բուրգիդ կատարին,
Ոստանիկներիդ, ռազմիկներիդ հետ
Լսում ենք վառված սեզ զորավարին:
Տափաստաններից, խուժանը վայրագ
Հորդել է, եկել – հեղեղ զայրագին,
Ուզում է, Անի՛, ընկճել լուծի տակ
Քո ստեղծագործ, թևավոր ոգին:
Խաժամուժ, խուժան՝ անծայր, անքանակ,
Դարեր խուժում են – խժուժ, խոլարշավ,
Ճըշում խժածայն, դնում են բանակ
Քո ցորենաշատ դաշտերում անբավ:
Եվ որոտում է շեփորը ռազմի,
Կովում ենք մտած արյուն ու քրտինք,
Դարեր կովում ենք ատամ ատամի,
Մեռնում ենք կանգնած, եթե մահ ունինք...
Քո իին թշնամին, Անի՛, չե՞ ս տեսնում,
Խուժել է նորից քո դաշտերի մեջ,
Բայց վառվում է դեռ մեր ակութներում
Հինավուրց ուխտի կրակը անշեց:
Դու՛, իին դրոշակ, դու՛, բագին փառքի,
Հենվել եմ նորից քո անմահ սյունին.
Եվ սպասում եմ, և դարեր ոտքի
Քո իրավաբեր շեփորիդ ձայնին...

1926

Վենետիկ

Ани

Здесь родина предков моих,
И плоть здесь с душою слита,
А в этих камнях вековых
Цветет воплощенной мечта.

Ани, ты не прах и не клад,
Ты - дух и ты - целый народ.
Здесь всё, что встречает мой взгляд,
И тайну, и смысл бережет.

Твой жребий теперь и в былом,
В одной из колонн узнаю,
Что в гордом величье своем
Смерть стоя встречает свою.

Я в шлеме, с колчаном, с копьем
На башне высокой твоей
Стою перед грозным вождем
Средь знатных и бедных людей.

Здесь варвары в страшные дни
Набегов, беды и разруш
Сломить бы хотели, Ани,
Крылатый твой, творческий дух.

Бесчисленных орд ураган
Веками в наш рвался предел,
Враг с воем раскидывал стан
В полях, где твой колос созрел.

Гремит боевая труба,
Льем кровь мы за землю свою.
В веках суждена нам судьба:
Лишь стоя погибнуть в бою.

Ани, вековечный твой враг
Не раз прорывался в наш дом,
Но древних обетов очаг
Горит негасимым огнем.

Ты знамя, ты славы алтарь.
У этой колонны живой

Я жду и сегодня, как встарь,
Призыва трубы боевой.

1926

Венеция

Перевод Вс. Рождественского

БИБЛИОГРАФИЯ

1. **Казарян А.**, Церковная архитектура стран Закавказья VII века (формирование и развитие традиции), т. I-III, Москва, 2012.
2. **Лео**, Археологические раскопки (цитируется по книге «Современники о Торосе Тораманяне», Ереван, изд. «Лусакн», 2005.
3. **Папухян Н.**, Торос Тораманян, вступление к книге «Современники о Торосе Тораманяне», Ереван, изд.-во «Лусакн», 2005.
4. **Стржиговский Й.**, Архитектура армян и Европы, т. I, книга 2, изд.-во «Гитутюн», 2017, Ереван.
5. **Тер-Минасян А.**, Церковные сооружения города Ани в контексте развития архитектурных типов средневековой армянской архитектуры, Աշխատություններ Հայաստանի պատմության թանգարանի, № 2 (14), Երևան, 2024, էջ՝ 84-93:
6. **Токарский Н.**, По страницам истории армянской архитектуры, изд.-во «Айастан», Ереван, 1973.
7. **Իսահակյան Ավ.**, Ճարտարապետ Թորոս Թորամանյան, Երկեր, հ. 4, Երևան, Հայպետհրատ, 1939: (перевод статьи Исаакяна приводится по сайту: <http://armenianhouse.org/isahakyan/memoirs-ru/toramanyan.html>)
8. **Իսահակյան Ավիկ**, Ավետիք Իսահակյանը և հայկական հարցը, Գրականագիտական հանդես, Երևան, 2004, հասոր Բ, էջ՝ 160-164:
9. **Մնացականյան Ս.**, Հայկական ճարտարապետությունը VI դարի երկրորդ կեսից մինչև VII դարի վերջը. Ակնարկ հայ ճարտարապետության պատմության (4-րդ գլուխ). Երևան, ՀՍՍՈ ԳԱ հրատ., 1964:

REFERENCES

1. **Kazaryan A.**, Tserkovnaya arkhitektura stran Zakavkazya VII veka (formirovaniye i razvitiye traditsii), t. I-III, Moskva, 2012 [Church architecture of the Transcaucasian countries of the 7th century (formation and development of tradition)], vol. I-III, Moscow, 2012.

2. **Leo**, Arkheologicheskie raskopki (po knige «Sovremenniki o Torose Toramanyane», Erevan, «Lusakn» hrat., 2005 [Archaeological excavations (based on the book “Contemporaries about Toros Toramanyan”), Yerevan, “Lusakn” publishing house, 2005.
3. **Papukhyan N.**, Toros Toramanyan, vstuplenie k knige «Sovremeniiki o Torose Toramanyane» [Toros Toramanyan, introduction to the book “Contemporaries about Toros Toramanyan”] Yerevan, «Lusakn» Publishing House, 2005.
4. **Strzhigovski J.**, Arkhitectura armyan i Evropa, t.l, kniga 2, izd. «Gitutyuan» [Erevan, 2017 Architecture of Armenians and Europe, vol. I, book 2], «Gitutyun» Publishing House, Yerevan, 2017.
5. **Ter-Minasyan A.**, Tserkovnie sooruzheniya goroda Ani v kontekste razvitiya arkhitesturnikh tipov srednevekiviy armyanskoy arkhitetur, Askhatutunner Hayastani patmutyan tangarani, N 2 (14), Erevan, 2024, ej 84-93 [Church buildings of the city of Ani in the context of the development of architectural types of medieval Armenian architecture], Proceedings of the History Museum of Armenia, No. 2 (14), Yerevan, 2024, pp. 84-93.:
6. **Tokarskiy N.**, Po stranitsam istorii armyanskoy arkhitetur, Erevan, izd.-vo «Hayastan», 1973 [Through the pages of the history of Armenian architecture], «Hayastan» Publishing House, Yerevan, 1973.
7. **Isahakyan Av.**, Tsartarapet Toros Toramanyan, Erker, h. 4, Erevan, Haytephrat, 1939 [Isahakyan Av., Architect Toros Toramanyan], Works, vol. 4, Yerevan, Haypethrat, 1939. (The translation of Isahakyan's article is provided by the website: <http://armenianhouse.org/isahakyan/memoirs-ru/toramanyan.html>
8. **Isahakyan Avik**, Avetik Isahakiane ev hajkakan hartse, Grakanagitakan handes, Erevan, 2004, hator B, ej 160-164 [Avetik Isahakyan and the Armenian Question], Literary Journal, Yerevan, 2004, volume B, pages 160-164.
9. **Mnatsakanyan S.**, Haykakan tsartarapetutyun VI dari erkrord kesits minchev VII dari verdge **Մեացականյան Ս.**, Aknark hay tsartarapetutyun patmutyan (4-rd glukh), Erevan, HSSR GA hrat., 1964 [Armenian Architecture from the Second Half of the 6th Century to the End of the 7th Century], Overview of the History of Armenian Architecture (Chapter 4), Yerevan, Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1964.